

Алеша Попович и Змей Тугаретин

Алеша Попович млад
Со Екимом сыном Ивановичем
Выезжали на росстани на широкие.
На росстанях лежит бел горюч камень,
На камешке подписи подписаны,
Все пути-дорожки рассказаны.
Тут-то Алеша, поучен человек,
Соскакивал со добра коня,
На камешке подписи рассматривал,
Все пути Екиму рассказывал:
— Слушай-ко, Еким сын Иванович,
Первая дорожка — в Чернигов,
Вторая дорожка — ко Путерему,
Третья дорожка — в славен Киев-град.
В Чернигове-городе не бывано,
И пива-вина много не пивано,
Калач бел крупищат не рушиван
И белая лебедка не кушана,
Домы-кабаки были вольные,
Молодушки были приветливы,
Девушки прелестливы,
А мы с тобой, Екимушко, у пьянчивы,
Запьемся, Екимушко, загуляемся,—
Потерять-то нам будет слава добрая,
Вся-де выслуга богатырская.
То же-де в (у) Путереме не бывано...
(далее те же самые слова, что и в Чернигове)
В Киеве-городе было бывано,
Много пива-вина было пивано,
Калач бел крупищат много рушиван,
Белая лебедка много кушана.
Завладел у князя Владимира
Хорошую дочь княжну-королевишну
Змей Тугаретин,
Туда побежим на выручку!

Садился на добра коня.
Они били коней по тушным бедрам,
Тут-де их кони прирассердились,
С горы на гору кони перескакивают,
Темные леса промеж ног пуцают,
Реки-озера хвостом устилают.
Подбегали ко городу ко Киеву,
Скакали чрез стену белокаменную
К тому столбу ко дубовому,
К тому колечку ко злаченому.
Коней они не привязывают,
Никому держать не приказывают.
Отпирают гридню на пяту,
Запирают гридню наплотно,
Приходят середи полу кирпичата,
Молитву творят сами Сусову,
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Кланяются-поклоняются на все четыре стороны,
Князю и княгине на особицу и особь статью.
— Милости просим, люди добрые, храбрые воины,
Садитесь-ко вы в куть по лавицы!
— То-де нам место не по дядине.
— Второе место в дубову скамью.
— И то-де нам место не по вотчине.
— Третье место — куды хотите.
— Неси-ко ты, Алешенька Попович млад,
То ковришко волокитное!
Этому ковришку Владимир-князь удивляется:
— Хорошо-де ваше ковришко волокитное:
Красным золотом было оно вышивано,
В углах-то было вшивано
По дорогому камню самоцветному,
От его-то от панциря
Как луч стоит от солнца.
— Стели-ко его за печной за столб!
И садятся они с Екимом за печной за столб.
Не от ветричку палата зашаталася,
Не от вихорю сколыхалася —

Прилетал Змеишшо Тугаретин.
Отпират он гридню на пяту,
Запират он гридню не наплотно,
Господу богу не молится,
Чудным образам не покланяется.
Садят его за столы за дубовые,
За скатерти браные,
За ествы сахарные.
Калач бел крупищат за праву щёку бросат,
Белу лебедку — за леву щёку.
Говорит Еким таковы слова:
— У попа было ростовского
Было кобелище Цингалище,
Охоче по подстолью ходить —
Костью подавится,
От того и переставится.
А тебе, Змею, не миновать того!
— Что у те, князь, за пешным столбом
За сверчок пишшит?
Отвечат князь Владимир:
— Маленьки ребятки промежу себя говорят,
Сами бабки делят.
 Подают Змею чару зелена вина в полтора ведра,
А весом чара полтора пуда.
Принимат он чару единой рукой
И выпивает чару на единой дух.
Говорит Еким сын Иванович таковы слова:
— У попа ростовского
Была бурая корова,
По поварням ходила,
Барды по чану выпивала — треснула,
И тебе, Змею, не миновать того!
Схватил Змеишшо Тугаретин
Ножище-чинжалище
И бросал за печной за столб.
Тут-то Алешенька подхватчив был,
Подхватывал ножище-чинжалище
Правою полою кафтанною,
Тут они возопияли [так!]:

— Сам ли ты, Еким, бросишь
Или мне велишь?

— Сам я не бросаю и тебе не велю,
Нечего кровянить полату белокаменну,
Надо со Змеем переведаться
На поле куликовом
И на том елбане роскатистом!
Покатился Змей Тугаретин
Из полаты белокаменной,
Надел крылья бумажные
И полетел на поле куликово,
На те елбаны роскатисты.
Выходили Еким со Алешою
На улицу широкую,
Еким Алеше наказывает:
— Ежели два часа не буду,
То беги на выручку.

И сам садился на добра коня,
Бежал на поле куликово,
На те елбаны роскатисты,
Втыкал копье мурзомецкое
И вбегал на тупой конец,
И смотрел во чисто поле.
Завидел Змея Тугарина
Выше лесу стоячего,
Ниже облака поплавучего.
Говорит Змей Тугарин:
— Что тебя, Еким, огнем сожечь
Или живьем сглотить,
Или тебя дымом задушить?

Взмолился богу господу
Еким сын Иванович,
Наипаче пресвятой богородице:
— Сошли, господи, крупчата дождя,
Подмочи у Змея крылья бумажные!

Неоткуль туча грозная подымалася,
И дал бог крупчата дождя,
Подмочил крылья бумажные,
И повалился Змей на сыру землю.

Тут подхватывал его Еким
На копье мурзомецкое
И притыкал ко сырой земле,
И отсекал буйну голову.
Тут-то миновалось два часа.
Побежал Алеша на выручку,
Не видит он свету белого и солнца красного,
Сбегался со Екимом навстречу
И бил его палицей боевой,
И сшиб со добра коня,
Притыкал его в грудь белую
Копьем мурзомецким
И угодил в крест чувственный [так!].
Соскакивал Алеша со добра коня,
Брал его на руки на белые,
Садил в седло черкасское,
Поехали путем-дорожкой
Ко князю Владимиру
И бросали голову Змея
За стену белокаменную.
Выходил князь Владимир
Сословье [так!] красно солнышко
На улицу широкою
И просил:
— Милости просим, храбры воины,
За единой стол хлеба откушати!
Отвечали они:
— На приезде гостя не учествовал,
А на отъезде не учествовать!

(Зап. Д. П. Соколов от старика-нищего в Сузунском заводе (Алтай))

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.